

В.Ю. Крюкова

РИТУАЛЬНОЕ ОЧИЩЕНИЕ ОГНЕЙ В АВЕСТИЙСКОМ ВИДЕВДАТЕ И СОСТАВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ В ЗОРОАСТРИЗМЕ

Составляя свой капитальный труд, посвященный ритуальным практикам парсов, индийских зороастрийцев, Дж.Дж. Моди, зороастрийский мобед и выдающийся ученый, включил в свое описание ритуалов освящения священного огня высшего ранга (Аташ Бахрам) изложение двух традиций — авестийской и практиковавшейся в Индии в XIX–XX вв. Моди отметил, что перечень огней, приведенных в авестийском Видевдате, дал повод ритуалистам последующих столетий установить практику собирания 16 различных огней в один общий с последующим его освящением [Modi 1922: 200–201]. В своем описании Моди опирался на труд дастура Эрачджи Сорабджи Мехерджираны, отмечая при этом, что другой парсийский дастур, Миночехерджи Джамаспджи Джамаспасана, рукописью которого также пользовался Моди, указывал, что «в случаях всех шести огней Аташ Бахрам, основанных и освященных в Бомбее и где-либо еще, не было единообразия в том, как осуществлялся ритуал. Процесс в деталях различался» [Modi 1922: 200]. Таким образом, можно судить о том, что, используя древний текст, зороастрийские жрецы основывались на различных его толкованиях, а также что ни в середине XIX, ни в 20-х годах XX в. ритуал не был жестко кодифицирован, возможно, благодаря обилию конкретных деталей, требовавшихся к исполнению.

Обращаясь к тексту первоисточника ритуала, авестийскому Видевдату 8.73–96 (точнее, видимо, среднеперсидскому переводу этого памятника), Моди называет следующие огни, которые необходимо отнести к «положенному месту» (авест. *dāitiio gātu*): «огонь, использовавшийся (1) при сжигании трупа, (2) сжигании мусора, отходов

(англ. *filth*), (3) сжигании грязи, мусора (англ. *dirt*), (4) огонь, использовавшийся гончаром, (5) стеклодувом, (6) медником, (7) золотарем, (8) мастером по серебру, (9) кузнецом по железу, (10) по стали, (11) пекарем, (12) истопником, (13) жестянщиком, (14) пастухом, (15) военным или солдатом, (16) соседом» [Modi 1922: 200].

Как уже было отмечено, Модии, по всей вероятности, видел в утверждении ритуала составления одного огня из шестнадцати скорее проявление творческой активности жрецов, чем следование авестийскому предписанию. Список огней, заимствованный самим Модии в Видевдате, если следовать ходу авестийского текста, не был связан с идеей освящения главного зороастрийского огня, как и с идеей множественности огней. Текст, содержащий этот список, повествует о ритуальном очищении от загрязнения (осквернения) огней, и смысл его заключается в том, что за очищение наиболее оскверненного огня верующему полагается наиболее воздаяние — в этом видится обычная логика авестийского Видевдата, наибольший объем которого посвящен предписаниям относительно ритуальной чистоты, градациям святости и скверности и т.д. Предваряет перечень огней и воздаяний описание случая из ритуальной практики, повлекшего за собой весь ход рассуждений (Видевдат 8.73–80) и во многом проясняющего интересующее нас повествование:

73. О создатель плотского мира, праведный! Если маздаяснийцы, пешком проходя, пробегая, верхом, проезжая, наткнутся на огонь, трупы варящий, [на котором] труп бы варили, труп бы жарили, то что должны делать эти маздаяснийцы?

74. И сказал Ахура-Мазда: Пусть будет убит варящий труп, пусть убьют его, пусть котел разнесут, насыпь (*uz-dāna*) разнесут.

75. Вне [оскверненного] огня пылающие дрова прожги — то ли дерево, что с семенем огня, или этого огня кострище (*uz-darəza*) — это дерево огнесеющее пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит.

76. Как тогда первую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит.

77. Как тогда вторую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит. Как тогда третью охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть

выбросит. Как тогда четвертую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит. Как тогда пятую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит. Как тогда шестую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит. Как тогда седьмую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит. Как тогда восьмую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь, пусть вынесет, пусть вытащит, как можно скорее пусть выбросит.

78. Как тогда девятую охапку, чтобы отложить ее на земле настолько от огня трупы варящего, как большая пядь...

79. Если по истине на дрова принести, о Спитама-Заратуштра, *urvasna*, *vohu-gaona*, *vohu-kəgəti* или *hadanaerata*, или другие наиболее благоуханные растения,

80. от которых в какую бы сторону ветер огня благоухание ни принес, от них в эту-то сторону и выходит Огонь Ахура-Мазды, тысячеубивающий дэвов бесплотных, тьмы отродье лживое вкупе — и колдунов, и ведьм.

Таким образом, в самом авестийском тексте речь идет о необходимости как можно скорее очистить священный огонь, подвергшийся, по зороастрийским представлениям, наивысшему осквернению — контакту с мертвой материей. Сложно сказать, является ли следующая часть текста единовременно составленным его продолжением. В любом случае она содержит развитие темы с упоминанием такого важного элемента предписаний, как воздаяние в будущей жизни — «после отделения души от тела» (Видевдат 81—96):

81. О создатель плотского мира, праведный! Кто *огонь трупы варящий* отнесет к положенному месту (авест. *dāitiio gātu*), какая этому человеку будет мзда после отделения души («сознания») от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской мириад головней огня («уголий»?) отнес к положенному месту.

82. ...Кто *огонь истечения варящий* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской тысячу головней огня отнес к положенному месту.

83. ...Кто *огонь от сушилки навоза* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской пять сотен головней огня отнес к положенному месту.

84. ...Кто *огонь от печи для обжига глины* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской четыре сотни головней огня отнес к положенному месту.

85. ...Кто *огонь от печи для выдувания стекла* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Сколько в сосуде отдельных осколков, столько собранных головней огня относит [он] к положенному месту.

86. ...Кто *огонь от <...>* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Сколько отдельных травинок, столько собранных головней огня относит [он] положенному месту.

87. ...Кто *огонь от золотоплавильни* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской сто головней огня отнес к положенному месту.

88. ...Кто *огонь от сереброплавильни* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской девяносто головней огня отнес к положенному месту.

89. ...Кто *огонь от железоплавильни* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской восемьдесят головней огня отнес к положенному месту.

90. ...Кто *огонь от сталеплавильни* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской семьдесят головней огня отнес к положенному месту.

91. ...Кто *огонь от танура* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской шестьдесят головней огня отнес к положенному месту.

92. ...Кто *огонь от котла* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-

Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской пятьдесят головней огня отнес к положенному месту.

93. ...Кто *огонь от <...>* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской сорок головней огня отнес к положенному месту.

94. ...Кто *огонь от места, где пастбище для скота*, отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской тридцать головней огня отнес к положенному месту.

95. ...Кто *огонь от [места] охоты(?)* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской двадцать головней огня отнес к положенному месту.

96. ... Кто *огонь из недалеко* отнесет к положенному месту, какая этому человеку будет мзда после отделения души от тела? — И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой жизни плотской десять головней огня отнес к положенному месту.

Градация огней в этом списке лишь в самом начале, как представляется, сохраняет идею получения наибольшего воздаяния за очищение наиболее оскверненного огня — далее список сопоставляет более или менее значимые огни, соответствующие более или менее значительным воздаяниям (наиболее яркий пример — перечисление металлов с учетом их стоимости), хотя последовательного изложения в общем-то нет даже в случае с металлами. Несомненно, что своим перечнем компиляторы стремились представить максимальное количество огней, охватить как можно больше сфер жизни общины. Некоторые слова, служащие для обозначения мест, откуда берется огонь для очищения, перевести пока невозможно, однако пояснения требуют только три первых случая (Видевдат 8.81, 82, 83). Первые два имеют дело с наивысшими осквернениями — контактами с мертвой материей, к которой относятся и «истечения» человеческого тела: слюна, кровь, экскременты. Очевидно, рассуждая логически, вслед за этим пунктом компиляторы поместили и огонь от сушилки навоза — хотя само название свидетельствует о практическом использовании последнего в хозяйстве, не говоря о свойственном индоиранцам представлении о ритуальной чистоте продуктов скота.

Некоторое замешательство, с которым жрецы называют осквернения и воздаяния, свидетельствует, возможно, в пользу того, что пасса-

жи 81–96 были добавлены к предваряющему тексту позднее. Важный момент — появление в этом отрезке текста термина *dāitiio gātu* — «положенное место», давшего имя одной из разновидностей священного огня в поздней зороастрийской практике — Аташ датгах, то есть «огонь положенного места», хотя в самом Видевдате нет отсылки к тому, что *dāitiio gātu* можно ассоциировать с местом для священного огня.

Таким образом, уже для авестийского Видевдата мы, видимо, можем указать на некоторый сдвиг в осмыслении ритуальных правил, когда от описания очищения огня, оскверненного в конкретном случае (Видевдат 73–80) компиляторы перешли к некоей систематизации огней, указанию их градаций, закрепленных воздаяниями (Видевдат 81–96). Причем здесь мы обращаемся не к классификации храмовых огней, а именно к бытовым огням, из которых в поздней практике стали складывать храмовые.

Указание на то, что эти оскверненные и очищенные огни стали осмысливаться как часть священного храмового огня наивысшего ранга Аташ Бахрам, мы находим уже в среднеперсидском переводе Видевдата. Комментарий к переводу прямо сообщает, что то количество огней, которому соответствует очищение конкретного огня, названное в авестийском тексте, и есть количество единичных огней, из которых складывается Аташ Бахрам [Pahlavi Vendidad 1949: 220]. Возможно, в среднеперсидском переводе еще не имелся в виду ритуал составления огней, а лишь разрабатывалась тема воздаяния праведнику. Тем не менее в дальнейшей ритуальной практике это пояснение было истолковано определенным образом.

В 1982 г. был опубликован английский перевод написанного в 1886 г. на гуджарати зороастрийского катехизиса, автором которого являлся цитировавшийся Модии парсийский мобеда Эрачджи Сорабджи Мехерджирана. Комментатором этого сочинения стал другой выдающийся ученый парс — дастур Фироз М. Котвал [Guide 1982]. Модии в своем сочинении лишь кратко перечисляет 16 огней, необходимых для составления священного огня [Modi 1922: 201], так что можно понять, что требуется по одному варианту каждого. Мехерджирана называет количественные значения огней — сколько огней какого вида необходимо собрать для составления одного священного (их атрибуция в обоих случаях несколько различна: так, третьим пунктом у Модии указан огонь правителя, а у Мехерджираны — огонь публичной бани, что опять-таки свидетельствует об отсутствии единого кодифициро-

ванного ритуала): «Мы собираем 16 типов огней от 16 различных мест. Мы берем много огней от каждого из этих огней в начале, и таким образом собираем более 1000 огней. Из них первым мы берем огонь от погребального костра, из которого сделан 91 огонь, вторым — огонь красильщика, превращенный в 80 огней, третьим — из общественной бани, превращенный в 70 огней, четвертым — огонь гончара, превращенный в 61 огонь, пятым — огонь изготовителя кирпичей, превращенный в 75 огней, шестым — огонь *факира* или *кансары* (лудильщика), превращенный в 50 огней, седьмым — огонь золотаря или алхимика, превращенный в 60 огней, восьмым — огонь от места, где чеканят монеты, превращенный в 55 огней, девятым — огонь кузнеца, превращенный в 61 огонь, десятым — огонь оружейного мастера, превращенный в 61 огонь, одиннадцатым — огонь пекаря, превращенный в 61 огонь, двенадцатым — огонь пивовара или идолопоклонника, превращенный в 61 огонь, тринадцатым — огонь командующего армией или огонь бывшей армии, превращенный в 35 огней, четырнадцатым — огонь пастуха или от стойла для лошадей и верблюдов, превращенный в 30 огней, пятнадцатым — огонь, вызванный молнией, превращенный в 90 огней, шестнадцатым — огонь из дома жреца (*атравана*) или мирянина (*бехдин*), превращенный в 40 огней, или огонь, сделанный огнивом или трением двух палочек, превращенный в 144 огня. Если два последних сделаны вместе, тогда они составляют 144 огня» [Guide 1982: 141–142]. Дастур Котвал поясняет эти предписания современной практикой — с помощью ветра огонь переходит от одной щепки, взятой, например, от погребального костра, к другой, и так до 91-й щепки и, соответственно, 91-го огня. Таким образом огни очищаются [Guide 1982: 141].

Необходимо отметить, что в катехизисе Мехерджираны описана не только церемония очищения и составления огня первого ранга, Аташ Бахрам, требующая собирания шестнадцати огней от различных мест. Дастур предписывает очищение и собирание огней и для священного огня более низкого ранга, Аташ Адаран. Поскольку собирание этого огня должно строиться по той же схеме, что и собирание огня высшего ранга, ритуал не оказался привязанным к древнему тексту, изложение и объяснение церемонии выглядит иначе. Фактически в основу ритуала собирания огня Аташ Адаран положена засвидетельствованная в Авесте структура индоиранского общества, и собирание огней, принадлежащих разным слоям этого общества, становится фактором объединения всей общины: «Сколько огней требуется для освящения

Аташ Адаран? — Мы должны собрать огни четырех сословий, а именно: жрецов (athravan), воинов (rathaeshtar), крестьян (vastryosh), ремесленников (hutokhsh). Кроме этих огней мы должны собрать те огни, которые претерпевают наиболее активное использование, особенно огни кузнецов, золотарей, жестианщиков и гончаров. Мы должны поддерживать огни этих четырех сословий отдельно и в течение трех дней выполнять церемонии Ясны и Вендидада (Видевдата. — В.К.). На четвертый день мы должны собрать эти огни вместе, совершить литургию Ясна и затем интронизировать Аташ Адаран» [Guide 1982: 140].

Таким образом, ритуал формировался долго. Он оттолкнулся от исходного текста (Видевдата), предписания которого касались частного случая очищения огня от трупной скверны, а затем расширились за счет списка очищаемых огней. Затем среднеперсидский перевод памятника добавил численные значения для различных огней, в зависимости от которых эти огни можно было сопоставить с храмовым огнем наивысшего ранга Аташ Бахрам. Затем ритуал очищения был ошибочно истолкован как ритуал собирания огней с последующим очищением и составлением священного огня. Затем ритуалу была придана более стандартная для древних текстов форма — собираемые огни были сопоставлены с четырьмя сословиями, указанными в Авесте. Таким образом, ошибочное понимание Авесты, неверное истолкование ритуала привели к формированию сложного и не вполне логичного обряда собирания шестнадцати огней, но в конечном результате к сложению вполне «авестийского» обряда собирания Аташ Адаран. Использование идеи четырех сословий в конце концов стало формообразующим, нивелировав различные варианты и несоответствия. Так, при склонности зороастрийцев сводить все числовые комбинации к сочетанию 3, 4, 7 «16» в качестве количества огней выглядит необычно, не говоря уже о том, что первый и как будто бы основной огонь, служащий для составления священного огня, должен браться от погребального костра (разумеется, не-зороастрийского, поскольку в зороастризме невозможен обряд кремации), что является абсурдом как с точки зрения зороастрийских представлений о чистоте стихий, так и исходя из иранских реалий. Если в древности практика кремации была знакома ортодоксальным зороастрийцам благодаря соседству с менее «праведными» иранцами и другими народами и осуждалась как величайшее преступление, то после мусульманского завоевания Ирана она, как представляется, была неизвестна. В среде

индийских парсов, напротив, идея использования огня погребального костра в качестве одной из составляющих священного могла получить развитие. Модии отмечает, что, по словам дастура Миночехерджи, для ритуала составления огня предпочтительно использовать огонь погребального костра брахмана, а само получение этого огня должно выглядеть следующим образом: «Зороастрийцу следует пойти к погребальному костру и попросить огня, в котором сжигают труп. Если участники обряда согласятся дать его по своей воле во время процесса горения, прекрасно. В противном случае зороастриец должен подождать, пока не сгорит все тело, а затем, когда близкие и родственники покойного разойдутся, он должен получить частицу оставшегося огня, достать которую из горящей массы следует попросить незороастрийца. Если иноверца поблизости не окажется или он откажется исполнить эту работу, тогда два зороастрийца-мирянина должны, прочтя молитву, совершив омовение и повязав священный пояс, взять в руки веревку, символизирующую связь между ними, читать молитвы, предохраняющие от осквернения мертвечиной, а затем удерживать на расстоянии примерно фута над огнем ковш с пробитыми отверстиями, в котором помещено немного опилок сандалового дерева, ладана и сходных легковоспламеняющихся веществ. Нельзя допускать соприкосновений ковша с огнем: жар от огня погребального костра сам легко зажжет свое топливо в ковше» [Modi 1922: 201–202].

Библиография

- A Guide to the Zoroastrian religion. Chico, California: Scholars Press, 1982.
Modi J.J. The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay, 1922.
Pahlavi Vendidad / Tr. by B.T. Anklesaria. Bombay, 1949.